УДК 159.944

Иванова С.С.
магистрант 3 курса группы ПМВ-ПК-П-2024-1
факультет прикладной психологии
кафедра общей и консультативной психологии
Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы
(г. Санкт-Петербург, Россия)

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЖЧИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: *в статье представлены результаты эмпирического исследования стрессоустойчивости, психологического стресса, самоотношения, доминирующих психических состояний и стратегий совладающего поведения у мужчин 30–45 лет. Выборку составили 60 мужчин, разделённых на две группы по 30 человек: мужчины с химической зависимостью и мужчины без химической зависимости. Применялись тест самооценки стрессоустойчивости Н. В. Киршевой и Н. В. Рябчиковой, шкала психологического стресса PSM-25, опросник SACS, методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева и опросник ДС-6 Л. В. Куликова, обработка данных выполнена с использованием U-критерия Манна–Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Показано, что общие показатели самооценки стрессоустойчивости в группах статистически не различаются, однако мужчины с химической зависимостью чаще используют избегающие и манипулятивные стратегии совладания и характеризуются повышенной внутренней конфликтностью и самообвинением. Корреляционный анализ выявил специфичные для каждой группы взаимосвязи стрессоустойчивости с самоотношением, эмоциональным состоянием и способами реагирования на стрессовые ситуации. Результаты могут быть использованы при разработке программ психологического консультирования данной клиентской группы.*

Ключевые слова: *стрессоустойчивость, химическая зависимость, копинг-стратегия, самоотношение, психологический стресс, мужчина среднего возраста, U-критерий Манна–Уитни.*

Введение.

Химическая зависимость остаётся одной из наиболее распространённых форм аддиктивного поведения и представляет значимую медико-социальную проблему. Расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, разрушают не только физическое и психическое здоровье человека, но и его социальные связи, профессиональную реализацию и личностную целостность. По данным международных организаций, число лиц с наркологическими расстройствами за последнее десятилетие устойчиво растёт, а основную долю диагнозов составляют мужчины трудоспособного возраста [1].

Особое положение среди уязвимых категорий занимают мужчины среднего возраста. Период 30–45 лет сопровождается пиком профессиональной, семейной и родительской нагрузки, кризисными состояниями, характерными для середины жизни, и одновременно ограниченным репертуаром принятых в маскулинной культуре способов выражения эмоционального напряжения [2]. В этих условиях употребление психоактивных веществ нередко выполняет функцию деструктивного «совладания» со стрессом, что формирует замкнутый круг: сниженная способность переносить напряжение усиливает зависимость, а зависимость истощает личностные ресурсы [3].

Цель настоящего исследования — сопоставить показатели стрессоустойчивости, психологического стресса, самоотношения, доминирующих психических состояний и стратегий совладающего поведения у мужчин 30–45 лет с химической зависимостью и без неё. Задачи: 1) изучить уровень стрессоустойчивости в обеих группах, 2) выявить межгрупповые различия по показателям стресса, самоотношения и копинг-стратегий, 3) установить взаимосвязи стрессоустойчивости с личностными характеристиками в каждой группе и в объединённой выборке.

Гипотеза исследования предполагала, что мужчины с химической зависимостью отличаются от мужчин без зависимости более низкими показателями стрессоустойчивости, большей выраженностью неадаптивных

стратегий совладания и негативных компонентов самоотношения. Проверка гипотезы имела и практический смысл: её подтверждение (полное или частичное) определяет мишени последующей консультативной работы с данной клиентской группой.

1. Организация и методы исследования.

В исследовании приняли участие 60 мужчин в возрасте от 30 до 45 лет, разделённых на две группы по 30 человек. Первую группу составили мужчины с химической зависимостью, находившиеся на лечении в отделении медицинской реабилитации наркологического стационара, вторую — мужчины без химической зависимости, сопоставимые с первой группой по возрасту. Сбор эмпирического материала проводился в период учебной практики, обработка данных — количественная, качественная и статистическая.

Диагностический комплекс включал пять методик:

1) тест на самооценку стрессоустойчивости личности Н. В. Киршевой и Н. В. Рябчиковой — экспресс-оценка общего уровня стрессоустойчивости, важно, что в данной методике меньший суммарный балл соответствует более высокой стрессоустойчивости [4],

2) шкала психологического стресса PSM-25 в адаптации Н. Е. Водопьяновой — оценка выраженности субъективно переживаемого психологического стресса [5],

3) опросник стратегий преодоления стрессовых ситуаций SACS (версия Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой) — диагностика девяти поведенческих стратегий совладания, от ассертивных действий до агрессивных [5],

4) методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева (МИС) — девять шкал, описывающих эмоционально-ценностное отношение личности к себе [6],

5) опросник доминирующего состояния ДС-6 Л. В. Куликова — актуальные характеристики эмоционального состояния: активность, тонус, спокойствие, эмоциональная устойчивость, удовлетворённость жизнью [7].

Математико-статистическая обработка включала расчёт средних значений по группам, сравнение независимых выборок с помощью U-критерия Манна–Уитни и корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Вычисления выполнялись в среде Microsoft Excel.

2. Результаты сравнительного анализа.

2.1. Стрессоустойчивость.

Сравнительный анализ по методике Н. В. Киршевой и Н. В. Рябчиковой показал, что средний показатель стрессоустойчивости в группе мужчин с химической зависимостью составил 31,54 балла, в группе мужчин без химической зависимости — 30,89 балла. Поскольку в данной методике меньший балл соответствует более высокой устойчивости к стрессу, полученные средние указывают лишь на незначительную тенденцию к более низкой стрессоустойчивости у мужчин с зависимостью.

Таблица 1. Сравнение групп по тесту самооценки стрессоустойчивости Н. В. Киршевой и Н. В. Рябчиковой.

Показатель	**Группа с химической зависимостью (N=30)**	**Группа без химической зависимости (N=30)**	**U Манна–Уитни**	**Уровень значимости**
Уровень стрессоустойчивости	31,54	30,89	383,0	p = 0,748

Различия между группами не достигли уровня статистической значимости (U = 383,0, p = 0,748). Таким образом, общий самооценочный уровень стрессоустойчивости не выступает дискриминирующим признаком, отделяющим мужчин с зависимостью от контрольной группы. Несколько

неожиданный результат требует уточнения на уровне более дифференцированных показателей — стратегий совладания и самоотношения.

2.2. Психологический стресс (PSM-25).

По шкале психологического стресса PSM-25 обе группы находятся в зоне низкой выраженности психической напряжённости. При этом средний показатель у мужчин без химической зависимости оказался выше, чем у мужчин с зависимостью, и различие достигло уровня статистической значимости.

Таблица 2. Сравнение групп по шкале психологического стресса PSM-25.

Показатель	**Группа с химической зависимостью (N=30)**	**Группа без химической зависимости (N=30)**	**U Манна–Уитни**	**Уровень значимости**
Психическая напряжённость	66,07	80,62	496,0	$p < 0,05$

Возможное объяснение более высокого показателя стресса в контрольной группе связано с тем, что жизненная нагрузка периода средней взрослости (профессиональные риски, семейные и родительские обязанности) переживается в полной мере людьми, не прибегающими к «фармакологической» регуляции напряжения, тогда как у мужчин с зависимостью хроническое употребление психоактивных веществ может маскировать субъективное переживание стресса.

2.3. Стратегии совладания (SACS).

Сравнение девяти шкал опросника SACS выявило два статистически значимых различия: у мужчин с химической зависимостью выше показатели избегания и манипулятивных действий. По остальным шкалам межгрупповые различия не достигают уровня значимости.

Таблица 3. Сравнение групп по опроснику SACS.

Шкала	С зависимостью (N=30)	Без зависимости (N=30)	U Манна–Уитни	Уровень значимости
Ассертивные действия	20,07	21,00	73,0	p = 0,585
Социальное взаимодействие	23,21	22,23	97,5	p = 0,769
Поиск социальной поддержки	23,50	24,46	74,0	p = 0,421
Осторожные действия	22,29	19,23	107,0	p = 0,449
Импульсивные действия	16,36	17,62	59,0	p = 0,485
Избегание	19,00	12,69	145,5	p < 0,05
Манипулятивные действия	19,43	15,58	125,0	p < 0,05
Асоциальные действия	16,07	13,64	100,0	p = 0,217
Агрессивные действия	16,36	14,50	95,0	p = 0,587

Преобладание избегания у мужчин с зависимостью согласуется с клиническими наблюдениями: уход от проблемной ситуации обеспечивает краткосрочное снижение напряжения, но при систематическом использовании препятствует разрешению жизненных трудностей [8]. Манипулятивные действия, в свою очередь, отражают склонность добиваться желаемого скрытым давлением и эмоциональным воздействием, что затрудняет конструктивные межличностные отношения и поддерживает социальную изоляцию.

2.4. Самоотношение (МИС).

По методике исследования самоотношения С. Р. Пантилеева выявлены статистически значимые различия по двум шкалам: «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение». Оба показателя выше у мужчин с химической зависимостью.

Таблица 4. Сравнение групп по методике исследования самоотношения С. Р. Пантилеева.

Шкала	С зависимостью (N=30)	Без зависимости (N=30)	U Манна–Уитни	Уровень значимости
Внутренняя честность	5,62	5,82	153,0	p = 0,848
Самоуверенность	6,41	7,55	109,0	p = 0,125
Саморуководство	7,07	6,50	209,5	p = 0,305
Отражённое самоотношение	6,03	6,08	150,0	p = 0,482
Самоценность	7,10	7,75	148,5	p = 0,466
Самопринятие	6,62	6,75	169,5	p = 0,907
Самопривязанность	5,28	6,50	117,0	p = 0,095
Внутренняя конфликтность	4,69	3,58	258,5	p < 0,05
Самообвинение	5,03	3,50	255,0	p < 0,05

Повышенная внутренняя конфликтность указывает на наличие у мужчин с зависимостью противоречивых представлений о себе и склонность ставить под сомнение собственные достоинства, повышенное самообвинение — на феноменологию чувства вины, при котором негативная оценка отдельных поступков перерастает в глобальное обвинение собственной личности [6]. Данные особенности согласуются с результатами исследований Я-концепции

зависимых, показывающими связь алкогольной зависимости с искажённым эмоционально-ценностным отношением к себе [9].

По опроснику ДС-6 статистически значимых межгрупповых различий не выявлено. Вместе с тем у мужчин без химической зависимости отмечается тенденция к более высоким показателям жизненного тонуса, спокойствия, эмоциональной устойчивости и удовлетворённости жизнью, что будет учтено при интерпретации корреляционных данных.

3. Корреляционный анализ.

Взаимосвязи стрессоустойчивости с психологическими характеристиками анализировались отдельно в каждой группе и в объединённой выборке с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Поскольку в тесте Киршевой–Рябчиковой меньший балл означает более высокую устойчивость, положительные коэффициенты корреляции со шкалами опросников свидетельствуют о снижении фактической стрессоустойчивости, отрицательные — о её росте. Значимыми признавались связи при $p < 0,05$.

Таблица 5. Значимые корреляции стрессоустойчивости с психологическими характеристиками (коэффициент Спирмена).

Показатель	Группа с зависимостью	Группа без зависимости	Объединённая выборка
Психическая напряжённость (PSM-25)	ρ = +0,386 (p = 0,062, n = 24)*	ρ = +0,734 (p < 0,001, n = 26)	ρ = +0,593 (p < 0,001, n = 50)
Отражённое самоотношение (МИС)	ρ = -0,477 (p = 0,018, n = 24)	—	—
Самообвинение (МИС)	ρ = +0,470 (p = 0,021, n = 24)	—	—

Показатель	**Группа с зависимостью**	**Группа без зависимости**	**Объединённая выборка**
Внутренняя конфликтность (МИС)	—	—	ρ = +0,398 (p = 0,022, n = 33)
Активность (ДС-6)	—	ρ = +0,457 (p = 0,028, n = 23)	—
Тонус (ДС-6)	—	ρ = -0,551 (p = 0,006, n = 23)	—
Спокойствие (ДС-6)	—	ρ = -0,629 (p = 0,001, n = 23)	—
Эмоциональная устойчивость (ДС-6)	—	ρ = -0,650 (p < 0,001, n = 23)	—
Удовлетворённость жизнью (ДС-6)	—	ρ = -0,638 (p = 0,001, n = 23)	—
Положительный образ себя (ДС-6)	—	ρ = -0,446 (p = 0,033, n = 23)	—
Импульсивные действия (SACS)	—	ρ = +0,748 (p = 0,003, n = 13)	ρ = +0,690 (p < 0,001, n = 20)
Избегание (SACS)	—	ρ = +0,629 (p = 0,021, n = 13)	—
Манипулятивные действия (SACS)	—	ρ = +0,577 (p = 0,050, n = 12)	ρ = +0,495 (p = 0,031, n = 19)
Осторожные действия (SACS)	—	—	ρ = +0,465 (p = 0,029, n = 22)
Агрессивные действия (SACS)	—	ρ = +0,811 (p = 0,001, n = 12)	ρ = +0,753 (p < 0,001, n = 19)

* Связь на уровне тенденции: не достигает принятого уровня значимости p < 0,05.

3.1. Группа мужчин с химической зависимостью.

В этой группе стрессоустойчивость связана преимущественно с самоотношением. Отрицательная связь с отражённым самоотношением (ρ = -0,477, p = 0,018) означает, что позитивное представление о том, как человека воспринимают окружающие, сопряжено с более высокой фактической устойчивостью к стрессу. Положительная связь с самообвинением (ρ = +0,470, p = 0,021) свидетельствует об обратном: склонность обвинять себя в неудачах сопровождается снижением стрессоустойчивости. Связь с психической напряжённостью по PSM-25 (ρ = +0,386, p = 0,062) находится на уровне тенденции. Таким образом, в структуре устойчивости мужчин с зависимостью центральное место занимают эмоционально-оценочные компоненты отношения к себе.

3.2. Группа мужчин без химической зависимости.

Здесь картина иная. Наиболее выраженная положительная связь обнаружена с психической напряжённостью (ρ = +0,734, p < 0,001): с учётом обратной шкалы это означает, что рост субъективно переживаемого стресса сопровождается снижением фактической стрессоустойчивости. Высокая фактическая устойчивость также связана с большей эмоциональной устойчивостью (ρ = -0,650), удовлетворённостью жизнью (ρ = -0,638), спокойствием (ρ = -0,629) и жизненным тонусом (ρ = -0,551). В области совладающего поведения значимые положительные связи с импульсивными (ρ = +0,748), агрессивными (ρ = +0,811), избегающими (ρ = +0,629) и манипулятивными (ρ = +0,577) действиями отражают снижение фактической устойчивости при опоре на деструктивные стратегии.

3.3. Объединённая выборка.

При объединении групп картина становится обобщённой: снижение фактической стрессоустойчивости связано с большей выраженностью психологического стресса (ρ = +0,593), внутренней конфликтности (ρ = +0,398), а также импульсивных (ρ = +0,690), агрессивных (ρ = +0,753), манипулятивных (ρ = +0,495) и осторожных (ρ = +0,465) действий. Благоприятные характеристики эмоционального состояния — тонус, спокойствие, эмоциональная устойчивость, удовлетворённость жизнью и положительное отношение к себе — сопряжены с более высокой фактической устойчивостью к стрессу. Полученная конфигурация подтверждает комплексный характер феномена: стрессоустойчивость выступает интегральной характеристикой, в которую вносят вклад эмоциональная саморегуляция, ресурсы самоотношения и репертуар совладающего поведения.

4. Обсуждение результатов.

Первый вывод касается общего уровня стрессоустойчивости. Статистически значимых межгрупповых различий по тесту Киршевой–Рябчиковой не выявлено, поэтому предположение о глобально сниженной стрессоустойчивости мужчин с химической зависимостью не подтвердилось. По-видимому, специфика этой группы лежит не в «количестве» адаптационного ресурса, а в качестве его использования: как именно человек оценивает трудные ситуации и какие средства совладания выбирает.

Второй вывод — о структуре различий. Значимые межгрупповые различия сосредоточились в трёх областях: стратегии совладания (избегание, манипулятивные действия), самоотношение (внутренняя конфликтность, самообвинение) и субъективное переживание стресса. Данная конфигурация согласуется с результатами отечественных исследований совладающего поведения зависимых: в частности, показано, что зависимые мужчины предпочитают конфронтацию и жалость к себе, тогда как конструктивные стратегии требуют целенаправленного формирования [10, 11], а

реабилитационный эффект достигается только при длительной систематической поддержке [12].

Третий вывод — о разных корреляционных структурах в группах. У мужчин с зависимостью устойчивость к стрессу «замкнута» на самоотношение: чем больше внутренней конфликтности и самообвинения, тем ниже фактическая устойчивость. У мужчин без зависимости она опирается на эмоциональное состояние (спокойствие, устойчивость, удовлетворённость жизнью) и разрушается деструктивными копинг-стратегиями. Практическое следствие очевидно: мишенями консультирования в первой группе должны стать негативные компоненты самоотношения, во второй — эмоциональная саморегуляция и репертуар конструктивного совладания.

Четвёртый вывод — о собственной оценке стресса. Более высокая психическая напряжённость в контрольной группе, возможно, отражает нормальную чувствительность к жизненным нагрузкам периода средней взрослости, тогда как у зависимых она может быть занижена в силу хронической анестезирующей функции психоактивного вещества. Этот вопрос требует специальной проверки, однако он принципиален для интерпретации любых данных о «стрессоустойчивости» зависимых.

Ограничения исследования связаны с его сравнительным одномоментным дизайном: выявленные связи носят корреляционный характер и не позволяют говорить о причинно-следственных отношениях, самооценочные методики подвержены мотивационным искажениям, количество наблюдений в отдельных корреляционных ячейках различалось в зависимости от полноты первичных протоколов, что учтено в таблице 5.

Выводы.

1. Общий уровень самооценки стрессоустойчивости мужчин с химической зависимостью и мужчин без неё статистически не различается ($U = 383{,}0$, $p = 0{,}748$): наличие зависимости не сопровождается глобальным снижением адаптационного ресурса личности.

2. По шкале психологического стресса PSM-25 различия статистически значимы ($U = 496{,}0$, $p < 0{,}05$): выше напряжённость у мужчин без зависимости, что требует осторожной интерпретации субъективного стресса в аддиктивных группах.

3. Спецификой мужчин с зависимостью является сдвиг в способах совладания: у них достоверно выше избегание и манипулятивные действия — неадаптивные стратегии краткосрочного снятия напряжения.

4. Самоотношение мужчин с зависимостью отличается повышенной внутренней конфликтностью и самообвинением —эти два негативных компонента, непосредственно связанные со стрессоустойчивостью.

5. Корреляционные структуры групп различаются: у зависимых устойчивость связана прежде всего с самоотношением (отражённое самоотношение, самообвинение), у контрольной группы — с эмоциональным состоянием и деструктивными копинг-стратегиями, в объединённой выборке стрессоустойчивость опосредована психической напряжённостью, внутренней конфликтностью и выбором стратегий реагирования.

6. Полученные данные задают конкретные мишени психологического консультирования мужчин с химической зависимостью: коррекция негативных компонентов самоотношения, замещение избегающих и манипулятивных стратегий ассертивным взаимодействием и активным решением проблем, развитие навыков эмоциональной саморегуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агибалова Т.В., Нобатова В.Н., Тучина О.Д. и др. Обзор факторов, влияющих на формирование ремиссии у наркологических больных // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2023. Т. 31. С. 155–163 https://doi.org/10.17816/pavlovj105809

2. Бемлер Е.С., Мадфес О.Н. Образы старения и сценарии собственной старости в представлениях людей среднего возраста // Журнал исследований

социальной политики. 2025. Т. 23, № 4. С. 751–766 https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-4-751-766
3. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
4. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
5. Киршева Н.В., Рябчикова Н.В. Психология личности: тесты, опросники и методики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1995
6. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004. 343 с.
7. Куликов Л.В. Психодиагностика психического состояния: определение доминирующего состояния. СПб., 2000
8. Лазарус Р.С., Фолкман С. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 445 p.
9. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М.: Академия, 2001. 432 с.
10. Милаева Т.В. Особенности Я-концепции и копинг поведения у людей с алкогольной зависимостью // Society and Security Insights. 2023. Т. 6, № 1. С. 107–124 https://doi.org/10.14258/ssi(2023)1-07
11. Миненкова Ю.С. Когнитивно-поведенческая терапия при возникновении срыва у химически зависимого клиента // Молодой учёный. 2023. № 52 (499)
12. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
13. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медгиз, 1960. 254 с.
14. Фадеева Е.В., Лановая А.М. Изучение мотивационной сферы личности и психоэмоциональных особенностей у пациентов с наркологическими расстройствами на различных этапах лечебно-реабилитационного процесса // Психология и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 199–218 https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140215
15. Фоломкин И.М., Вепренцова С.Ю. Особенности копинг-стратегий и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 4, № 5. С. 91–102
16. Хобфолл С.Е. Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44, № 3. P. 513–524 https://doi.org/10.1037/0003-066x.44.3.513
17. Дергач И.А. Мета-анализ проблемы реабилитации химически зависимых лиц в отечественной и зарубежной литературе // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 1. С. 258–269 https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15(1).258-269

18. Кузенко С.С., Бордоносенко А.С. Преодоление трудных жизненных ситуаций у алкозависимых мужчин и женщин: возможности психокоррекционных групповых занятий // Российский психологический журнал. 2024. Т. 21, № 4. С. 233–247 https://doi.org/10.21702/sb8jme66

Ivanova S.S.

master's degree student of 3rd year, group PMV-PK-P-2024-1

Faculty of Applied Psychology

Department of General and Counseling Psychology

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

(St. Petersburg, Russia)

STRESS RESILIENCE AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MIDDLE-AGED MEN WITH CHEMICAL DEPENDENCE: RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY

Abstract: *this article presents results of an empirical study of stress resilience, psychological stress, self-attitude, dominant mental states, and coping strategies among men aged 30–45. The sample comprised 60 men divided into two groups of 30: men with chemical dependence and men without chemical dependence. Measures included the stress resilience self-assessment test by N. V. Kirsheva and N. V. Ryabchikova, the PSM-25 Psychological Stress Measure, the SACS questionnaire, the self-attitude assessment by S. R. Pantileev, and the DS-6 questionnaire by L. V. Kulikov. Data were analyzed using the Mann–Whitney U test and Spearman's rank correlation coefficient. Overall self-assessed stress resilience did not differ significantly between groups. However, men with chemical dependence used avoidant and manipulative coping strategies more frequently and showed greater internal conflict and self-blame. Correlation analysis revealed group-specific associations between stress resilience and self-attitude, emotional state, and responses to stressful situations. The findings may inform psychological counseling programs for this client group.*

Keywords: *stress resilience, chemical dependence, coping strategy, self-attitude, psychological stress, middle-aged man, Mann–Whitney U test.*